

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ УЗБЕКСКОЙ И РУССКОЙ ПРОЗЫ

Гулматова Гулбахор

*магистр по специальности: Лингвистика (русский язык)
Университета международных инноваций (Узбекистан)*

Аннотация: Данная статья посвящена сравнительно-типологическому исследованию фразеологических единиц с эмоциональной семантикой в узбекской и русской прозе. На примере рассказов Абдуллы Каххара и Виктории Токаревой анализируется влияние национального менталитета на выбор метафор для выражения душевных состояний. В ходе исследования выявлены основные различия в соматической локализации эмоций (например, концепты «печень/нутро» в узбекской культуре и «сердце/душа» в русской), а также в пространственном восприятии чувств. Автор доказывает, что фразеологизмы служат важным кодом в художественном тексте для создания этнопсихологического облика героя.

Ключевые слова: фразеология, национальный менталитет, эмоциональная семантика, узбекская проза, соматизмы, сравнительная лингвистика.

Annотatsiya: Ushbu maqola o'zbek va rus prozasidagi hissiy semantikaga ega frazeologik birliklarni qiyosiy-tipologik jihatdan tadqiq etishga bag'ishlangan. Abdulla Qahhor va Viktoriya Tokareva hikoyalari misolida milliy mentalitetning ruhiy holatlarni ifodalash uchun metafora tanlashga ta'siri tahlil qilinadi. Tadqiqot davomida hissiyotlarning somatik lokallashuvi (masalan, o'zbek madaniyatidagi «jigar/bag'ir» va rus madaniyatidagi «yurak/qalb» tushunchalari) hamda tuyg'ularning fazoviy idrok etilishidagi asosiy farqlar aniqlangan. Muallif frazeologizmlar badiiy matnda qahramonning etnopsixologik qiyofasini yaratishda muhim kod bo'lib xizmat qilishini isbotlaydi.

Kalit so'zlar: frazeologiya, milliy mentalitet, hissiy semantika, o'zbek prozasi, qiyosiy tilshunoslik, somatizmlar.

Abstract: The article is devoted to a comparative typological analysis of phraseological units with emotional semantics in Uzbek and Russian prose. Drawing on the short stories of Abdulla Qahhor and Viktoriya Tokareva, the study examines how national mentality determines the choice of metaphors for expressing emotional states. The research identifies key differences in the somatic localization of emotions (e.g., the concepts of "liver/baghir" in Uzbek culture versus "heart/soul" in Russian culture) and the spatial perception of feelings. The author demonstrates that phraseologisms serve as crucial codes in literary texts for creating the ethnopsychological portrait of a character.

Keywords: *phraseology, national mentality, emotional semantics, Uzbek prose, comparative linguistics, somatisms.*

Введение

В современной парадигме гуманитарного знания, на стыке лингвистики, культурологии и литературоведения, фразеологический состав языка справедливо рассматривается как концентрированный конденсат исторического, социального и духовного опыта нации. Являясь наиболее консервативным и в то же время образным пластом лексики, фразеология аккумулирует в себе архетипы народного сознания. В этом обширном массиве эмоциональные фразеологизмы (ЭФ) занимают стратегически важное место. Они не просто называют те или иные состояния, но вербализуют нерациональную, глубоко чувственную сферу человеческого бытия, переводя абстрактные переживания в плоскость осязаемых, национально специфичных образов.

Актуальность настоящего исследования продиктована глобальными процессами культурной унификации. В условиях нарастающей глобализации современная литература Узбекистана и России стремится сохранить свою аутентичность и национальную идентичность. Именно фразеологизмы, выступая в роли уникальных лингвистических «маркеров», позволяют дифференцировать один культурный код от другого, защищая художественный текст от смыслового обезличивания. Изучение эмоциональной фразеологии в литературном контексте позволяет понять, как авторы используют «память языка» для создания глубоких психологических портретов, резонирующих с ментальностью читателя.

Научная новизна данной работы заключается в комплексном сопоставлении двух самобытных, полярных по своим базисным установкам, но при этом исторически и географически тесно взаимодействующих систем. С одной стороны, это узбекская лингвокультура — восточная, по преимуществу коллективистская, опирающаяся на многовековые этические традиции, уважение к иерархии и общинную сплоченность. С другой стороны — русская лингвокультура, характеризуемая как европейско-азиатский синтез, склонная к глубокому индивидуальному психологизму, рефлексии и экзистенциальному поиску.

Такое сопоставление позволяет выявить, как фундаментальные различия в мировосприятии влияют на способы вербализации чувств. Как отмечает Ю. Н. Караулов, через анализ устойчивых оборотов и идиоматики мы получаем уникальную возможность проследить «когнитивный профиль нации», реконструировать ту языковую модель мира, которая определяет поведение и реакции индивида (Караулов, с. 52).

В связи с этим, основной целью работы является доказательство гипотезы о том, что выбор конкретного эмоционального фразеологизма автором прозы не является случайным стилистическим приемом. Напротив, он напрямую детерминирован ментальными установками народа, к которому принадлежит автор, и отражает специфические способы переживания универсальных человеческих эмоций через призму национальных традиций.

Методы

Методологический фундамент данного исследования представляет собой синтез классических филологических подходов и современных лингвокультурологических стратегий. Исследование базируется на методе сплошной выборки из текстов малой прозы, что позволило сформировать репрезентативный корпус эмоционально-экспрессивных единиц, функционирующих в живом литературном контексте.

Объектом исследования выступают эмоционально-экспрессивные устойчивые сочетания (фразеологизмы), обладающие ярко выраженной оценочностью и национально-культурным компонентом значения.

Материалом исследования послужили рассказы двух знаковых авторов, чье творчество максимально полно отражает национальный дух через малую форму. С одной стороны, это рассказы Абдуллы Каххара («Граната», «Бошсиз одам»), представляющие узбекскую классическую лаконичную прозу. Его стиль характеризуется этнографической точностью и использованием глубоко укорененных в народной речи оборотов. С другой стороны — малая проза Виктории Токаревой, известная своим тонким психологизмом, ироничностью и акцентом на внутренний мир современного горожанина, где фразеология служит средством передачи тончайших нюансов рефлексии.

В работе последовательно применялся сравнительно-типологический метод, позволивший классифицировать выявленные единицы на фразеологические эквиваленты (имеющие сходную семантику и образность), аналоги и, что наиболее важно для темы статьи, безэквивалентные фразеологизмы, не имеющие прямых соответствий в сопоставляемом языке. Кроме того, использовался метод лингвокультурологической интерпретации, с помощью которого раскрывалась связь между внутренней формой фразеологизма и культурными установками (менталитетом) узбекского и русского народов.

Результаты

В ходе сравнительного анализа текстов А. Каххара и В. Токаревой были выделены три доминантные группы различий, наглядно демонстрирующие, как национальный менталитет «программирует» вербализацию чувств.

Одним из наиболее ярких открытий исследования стала глубокая разница в «анатомии эмоций». В узбекском менталитете центром эмоциональной и духовной жизни традиционно выступает не только сердце, но в гораздо большей

степени «жигар» (печень) и «бағир» (нутро/грудь/печень). Это обусловлено древними восточными представлениями о жизненно важных органах как о реальном физическом средоточии жизненной силы и глубоких привязанностей (родство, сострадание).

В рассказах А. Каххара эта ментальная установка реализуется в мощных экспрессивных образах: «Жигари бағри эзилмоқ» – используется для описания высшей степени скорби и экзистенциального отчаяния (буквально: «печень и нутро раздавились»). В узбекском контексте это не просто метафора, а передача физической невыносимости горя. «Кўнглига қил сифмаслик» – передает крайнюю степень подавленности и духовной тесноты, когда человеку настолько тяжело, что в его душу «даже волос не пролезет» (Каххар, с. 145). Здесь проявляется восточная созерцательность и внимание к микросостояниям духа.

В русской прозе В. Токаревой картина мира иная: здесь абсолютно доминируют «сердце» и «душа» как главные репрезентанты эмоциональных переживаний. Русский менталитет в литературе тяготеет к динамическому описанию чувства через «физику» сердца: герои Токаревой переживают моменты, когда «сердце оборвалось» (резкий испуг или разочарование) или «сердце зашло» (интенсивное волнение/радость). Важным маркером русского менталитета является локализация страха или тревоги в ногах («сердце в пятки ушло») или неопределенное томление души («кошки на душе скребут»).

Таким образом, если узбекская проза оперирует образами «внутренних органов» как статичных хранилищ глубокой боли или радости, то русская проза делает акцент на пульсации и движении «сердечной» энергии, что подтверждает различия в психотипах и культурных кодах двух народов.

В узбекской художественной парадигме категория стыда неразрывно связана с концепцией «общественного лица» (истхола/андиша). В менталитете узбекского народа личность осознает себя прежде всего через призму коллективного одобрения или порицания. Это порождает специфический пласт фразеологизмов, описывающих изменение внешнего облика как индикатор социального статуса в момент эмоционального кризиса.

У Абдуллы Каххара герои часто переживают стыд не как интимное чувство, а как публичное событие. Например, «Ер чизиб қолмоқ» – буквально «рисовать по земле» (от стыда не поднимать глаз). Этот фразеологизм транслирует ментальную установку на покорность и признание вины перед сообществом. «Юзи шувут бўлмоқ» – буквально «лицо стало черным» (опозориться). Здесь черный цвет выступает маркером социального краха, потери чести перед лицом махалли или семьи.

В русском лингвокультурном контексте, представленном прозой В. Токаревой, стыд носит более герметичный, индивидуально-психологический характер. Он рассматривается как внутренний дискомфорт личности,

вступающей в конфликт с собственной совестью, а не с социальным институтом. Идиомы «готов сквозь землю провалиться» или «краска бросилась в лицо» (Токарева, с. 92) акцентируют внимание на физиологической реакции и желании физического исчезновения субъекта, что подчеркивает интровертность переживания.

Сравнительный анализ выявил различия и в «геометрии» положительных эмоций. Для русской прозы характерно расширение внутреннего пространства до космических или необозримых масштабов: «душа нараспашку», «на седьмом небе». Радость здесь – это выход за пределы «Я», экстатический порыв.

В узбекской традиции радость – это состояние гармоничной полноты, света и физического освобождения от зажимов. «Олам-олам кувонч» – буквально «целые миры радости», где количество эмоции измеряется объемом заполняемого пространства. «Оғзининг таноби қочмоқ» – буквально «нити рта развязались». Эта идиома с ироническим оттенком описывает искреннюю, широкую улыбку, вызванную внезапным счастьем.

Обсуждение

Полученные данные репрезентируют фундаментальную дихотомию культур. Узбекская эмоциональная фразеология оказывается более «телесной» (через соматизмы) и социально детерминированной. Это отражает восточный тип менталитета, в котором индивид воспринимает себя как неотъемлемый элемент микросоциума (семьи, рода, общины). Эмоция в данном случае перестает быть личным делом; она становится состоянием, которое «транслируется» на лицо и органы чувств как отчет перед другими членами группы.

Русская фразеология в текстах В. Токаревой демонстрирует иную картину: эмоция рассматривается как сложный динамический процесс, протекающий внутри суверенного «Я». Согласно теоретическим положениям В. Г. Костомарова, русский менталитет «склонен к крайностям и пространственному размаху чувств» (Костомаров, с. 162). Именно этим объясняется обилие фразеологизмов с неопределенным, «размытым» пространством: «куда глаза глядят», «не в своей тарелке», «между небом и землей».

Взаимодействие авторов с фразеологическим фондом также различно. Абдулла Каххар мастерски использует ФЕ для этической маркировки персонажа. Например, эпитет «очик кўнгил» (открытая душа) служит не просто описанием настроения, а фундаментальной характеристикой «правильного» человека. Виктория Токарева же использует ЭФ для психологической детализации и передачи невротизма современной жизни, где «кошки на душе скребут» становится признаком сложной внутренней рефлексии горожанина.

Заключение

Проведенное сравнительное исследование эмоциональной фразеологии в узбекской и русской прозе позволяет сформулировать следующие итоговые

выводы: биологический и психологический центры: Национальный менталитет жестко определяет «органы-мишени» для вербализации чувств. Если в узбекской традиции это «печень» и «нутро», символизирующие жизненную связь, то в русской – «сердце» и «душа» как центры индивидуального духа; социальная ответственность чувств: Узбекская литература через ФЕ транслирует коллективистские ценности (стыд перед махаллём), в то время как русская проза фиксирует индивидуально-психологические состояния, сосредоточенные на личной рефлексии; инструментарий автора: использование национально-окрашенных фразеологизмов в художественном тексте выступает мощнейшим инструментом экономной типологизации. Это позволяет автору за считанные секунды создать глубокий этнопсихологический портрет персонажа, который мгновенно дешифруется носителем культуры без дополнительных описаний.

В конечном итоге, исследование доказывает, что фразеология остается живым, эволюционирующим организмом. Она успешно адаптирует древние ментальные установки к запросам современной литературы, сохраняя при этом уникальность национального мировосприятия в глобализирующемся мире.

Список использованной литературы:

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: ЛКИ, 2019. – 264 с.
2. Каххар, А. Танланган асарлар (Избранные произведения). – Ташкент: Шарк, 2015. – 320 с.
3. Костомаров, В. Г. Языковой вкус эпохи. – Санкт-Петербург: Златоуст, 2017. – 320 с.
4. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 2016. – 288 с.
5. Токарева, В. С. Птица счастья: рассказы и повести. – Москва: АСТ, 2018. – 416 с.